

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

МЕРТВОПИСЬ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрации художника *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Мертвопись / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-102740-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове — герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров.

Полковники МВД Гуров и Крячко расследуют обстоятельства смерти художника Виталия Лунного, картины которого мистическим образом влияют на действительность. В разгар следствия неизвестные похищают из музея самую знаменитую работу мастера — «Портрет вечности». Именно с этим полотном связаны наиболее громкие происшествия последних лет. Сыщики понимают, что эта картина для грабителей не столько материальная ценность, сколько предмет культа. Недаром со смертью художника связано столько загадок... Гуров и Крячко решают провести эксгумацию тела Виталия Лунного и с удивлением устанавливают, что тот был похоронен... живым.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102740-7

© Макеев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Мертвопись

ПОВЕСТЬ

Ярким апрельским днем ведущие опера Главка угрозыска полковники Лев Гуров и Станислав Крячко медленно прогуливались по Грачихинскому бульварчику, который вел к здешнему полублошиному рынку. В теплом весеннем небе неспешно плыли облака, по дорожкам аллеек прыгали стайки воробьев. И хотя ветерок был еще холодноватым, все равно ощущалось приближение знойного лета. С некоторых пор на одной из бульварных аллей стали проходить стихийные вернисажи самодеятельных художников. Среди любителей изобразительного творчества выставлялись как достаточно одаренные люди, так и те, кто лишь пытался найти себя в этом виде искусств. Поэтому среди полотен, достойных внимания даже самых матерых искусствоведов, было немало и такого, что, даже на взгляд непрофессионала, смотрелось хаотичной незатейливой мазней. Впрочем, не теряя самообладания, эта категория «живописцев» объявляла свои «творения» так называемым «современным искусством», каковое очень уж обожается гражданами либеральных умонастроений и политических взглядов.

Поглядывая на пейзажи и натюрморты, опера обсуждали между собой вчерашний день, который выдался на редкость напряженным. Все началось с телефонного звонка их непосредственному начальнику, генерал-лейтенанту Петру Орлову. Некто Рутюлов — глава ниже среднего по своим капиталам банка «Симбиоз» — пожаловался генералу на то, что час назад неизвестными была похищена его малолетняя дочь. Сделав все необходимые уточнения, Орлов немедленно «впарил» это де-

ло своим ведущим, или, как их называл он сам, «коронным» операм.

Гуров и Крячко, работая тандемом, раскрыли уже не одно дело из категории глухарей и за поиски похищенной взялись безоговорочно. Нет, так-то они могли бы побрыкаться, поскольку буквально вчера закончили запредельное по своей запутанности дело и имели полное право на выходные. Но найти похищенного ребенка для них было делом особой важности, поэтому старые друзья тут же, что называется, засучили рукава. Всего за несколько часов они успели не только выдвинуть несколько версий, но и отработать наиболее реалистичные.

Поиски похищенной девочки привели их в деревню Нырково. И, как это нередко бывало, Лев и Станислав, чтобы не спугнуть похитителей, взяли их сами, сыграв роль группы захвата. Им здорово помогло то, что бандиты, сторожившие ребенка, не удержались и надумали «подбодриться» сорокаградусной. И вот в тот самый миг, когда, чокнувшись наполненными рюмками, сообщники похитителей опрокинули их в рот, в прихожую внезапно ворвались два живых смерча, сметающих все на своем пути. Бандиты-охранники и ахнуть не успели, как были распластаны на полу, обезоружены и скручены в бараний рог. Похищенная в этот момент мирно спала и даже не проснулась, когда ее переносили в машину.

На первом же допросе выяснилось, что организатором похищения дочери Рутилова был его же двоюродный брат, пожизненный завсегдатай мест заключения, алкоголик и наркоман. Дико завидуя своему кузену, тот решил его ощутимо «пощипать» в плане получения выкупа. Узнав о том, что ребенок найден, а вся шайка киднепперов задержана, Орлов остался очень доволен темпами и результатом проведенного расследования. Он объявил, что Гуров и Крячко получают сразу два выходных. Приятели на следующий же день решили пробежаться по магазинам рыболовных принадлежностей. А то ж! Рыбачий сезон, по сути, уже начался, а они еще даже не обновили свои рыболовные снасти! Этому и решили посвятить сегодняшнее утро.

На Грачихинский бульвар приятели приехали не случайно — здесь находился рыболовно-охотничий магазин, куда в прошлые годы они наведывались уже не раз. Ну а завидев ряды художников

с их творениями, они не смогли просто так пройти мимо и задержались, чтобы, выкроив минутку, посмотреть здешние шедевры. Да и «шедевры» тоже. Бегло окинув взглядом нечто абстрактно-примитивистское, выставяемое снуловатого вида типом в берете, с толстым шарфом на шее, они перешли к картинам его соседа. Здесь их внимание привлекла одна из работ, и они остановились рассмотреть полотно более детально. Автор изобразил лес и высящиеся над ним горы в лучах вечернего солнца. Красноватые отсветы солнечных лучей создавали впечатление того, что склоны гор и кроны деревьев покрыты кровью.

— Мрачноватый сюжетик... — склоняя голову то направо, то налево, констатировал Станислав. — Что-то в нем гнетущее...

— Да, к веселью не располагает... — согласился Гуров.

— Вам не нравится? — поинтересовался подошедший сбоку дед, чем-то похожий на пасечника.

— Нарисовано здорово, убедительно, только вот почему такие кровавые тона? — вопрошительно взглянул на деда Лев. — Автор картины — вы?

Щипнув себя за бороду, «пасечник» утвердительно кивнул:

— Да, это полотно написал я. А кровавые тона... Ну, в этом я не вижу ничего особенного. Это не более эпатажно, чем «Утро стрелецкой казни» Сурикова или репинский «Царь Иван Грозный и его сын Иван». Это как бы тревожное ожидание дня грядущего. Вот скажите: у вас есть твердая уверенность в том, что завтрашний день не станет последним в бытии земной цивилизации? Нет, конечно! Все мы знаем, сколь хрупок нынешний мир и сколь вероятно то, что вся наша планета в любой момент может приобрести кровавые, я бы сказал, марсианские тона. Кстати! Я так понял, моя работа оказала на вас определенное психологическое воздействие? Но это так, к слову. А известно ли вам, господа, что есть немалое число известных полотен, обладающих, без преувеличения, невероятными свойствами? Полотен, которые реально влияют на судьбы людей?

— Ну-у-у... кое-что слышал... — сдержанно кивнул Гуров. — Что-то такое рассказывали про изображение плачущего мальчика, которое вызывало пожары в тех домах, где оно находилось. Правда, мне лично в это не очень верится.

— Увы, но это не выдумка, а грустная реальность...

Немного помолчав, «пасечник» (в ходе разговора назвавшийся Вольдемаром Анатольевичем Линксом и поведавший о том, что происходит из рода поволжских немцев, в котором было немало художников) рассказал о грустной судьбе одного своего приятеля. Тот (надо же было такое придумать!) на собственном опыте решил доказать, что суеверия — чушь, и «плачущий мальчик» к пожарам отношения не имеет.

— ...У нас дачи рядышком, забор в забор, знакомы мы с ним лет уже пятнадцать. Иногда на двоих винишка «раздавим», о делах посудачим... — Старик улыбнулся и чуть развел руками. — И вот он надумал репродукцию этой картины у себя на даче повесить. Как я его отговаривал, как отговаривал! Он в ответ только смеялся, мол, ты, Володя, в плену суеверий. Повесил, и вроде ничего не случилось. Ну, где-то полгода так тянулось. А потом, уже осенью, как-то среди ночи меня будто кто-то под бок толкнул. Просыпаюсь, а в окне — багровое зарево! Я бегом на улицу, в чем был. А Генкина дача — как костер полыхает. Подбегаю к двери — она заперта. Ломом ее выбил, кое-как Генку на улицу выволок. Он уже почти задохнулся — еле в чувство привели. И тут же крыша — ух-х-х! Соседи тоже сбежались, «пожарка» прикатила. Слава богу, газовый баллон не рванул. Ну, что смогли — потушили, хотя сгорело почти все, что было деревянное. Одна кирпичная коробка дома цела осталась — Генка его потом восстановил. Наутро стали мы разбирать пожарище, а под упавшим листом шифера — вот так чудо! — та самая репродукция, целая и невредимая! Я тут же на пустыре вырыл глубокую яму, завернул картину в черную материю и там закопал. Вот такая непридуманная история.

— А почему вы ее закопали, а не порвали, не сожгли? И для чего завернули в черную материю? — заинтересовался Станислав.

— О-о-о... Рискованное это дело — рвать и жечь! — покачал головой Линкс.

По его словам, некоторые полотна имеют необычное, мистическое свойство мстить тем, кто с ними грубо обошелся. Как пример, «пасечник» рассказал историю картины норвежского художника-импрессиониста Эдварда Мунка, страдавшего шизофренией. Его полотно «Крик» винят в смерти

многих людей. Первым из длинного списка потерпевших стал музейный работник, который ее уронил. Вскоре у него начались страшные головные боли. Врачи не смогли ему помочь, и он покончил с собой. Еще один музейный смотритель, тоже не удержавший картину при перемещении с места на место, попал в тяжкое ДТП и стал полным инвалидом. А посетитель музея, всего лишь коснувшийся ее рукой, вскоре погиб в огне пожара...

Среди изрядного числа картин, которых коллекционеры живописи издавна считают «проклятыми», есть и полотна русских живописцев. Так, например, недоброй славой пользуется «Неизвестная» Крамского. В свое время владевшие этой картиной или тяжело заболели, или разорвались, или кончали жизнь самоубийством. У самого живописца, после того как он закончил эту работу, в течение года умерли оба сына...

— А завернул эту репродукцию в черную материю я для того, чтобы вредоносное изображение было изолировано даже от земли, в которой оно зарыто, чтобы не отравлять недра земные негативной энергией, несущей беду и разрушение, — как о чем-то естественном продолжал повествовать старик. — Черный цвет, как вы, наверное, знаете, — абсолютный поглотитель любой энергии. Не случайно же на Руси, да и во многих других странах, новорожденных первые дни жизни прятали за черным занавесом, чтобы уберечь от недобрых взглядов.

— Жуть! — передернув плечами, резюмировал Стас. — Послушайте, Вольдемар Анатольевич, а вот у меня дома еще от прежних хозяев в квартире осталась репродукция Джоконды. Уж Мона-то Лиза, наверное, не из каких-нибудь вредин?

— Ошибаетесь, молодой человек! Как раз наоборот, очень даже опасная картина. Она забирает жизненные силы у тех, кто ею владеет, кто на нее смотрит, с кем она постоянно находится рядом.

— А вот как вы можете объяснить подобные явления? — рассматривая еще один сюжет, написанный «пасечником» (облако, своей формой напоминающее летящего лебедя, до половины закрыло солнце), поинтересовался Гуров.

— Хм-м-м... — Линкс неспешно погладил бороду. — Скорее всего, на энергетику полотна влияет как личность самого художника, так и изображаемый им объект. Не последнюю

роль играют те тона и краски, которые он использует, мысли и настроения, преодолевающие его во время работы. Да, наверное, мысли и настроения того человека, которого он изображал, тоже имеют значение...

Увлечшись разговором, старик пояснил, почему художники-эзотерики (есть и такие!) считают Мону Лизу вредоносной. По его словам, Леонардо да Винчи писал ее с некой женщины, которая имела репутацию «черной вдовы». Эта дама несколько раз выходила замуж, и всякий раз ее мужа или просто умирали, или погибали от рук злодеев, или кончали сами с собой. Леонардо писал эту картину три года. Но самое загадочное тут то, что начинал он ее писать цветущим, сильным мужчиной — ему не составляло труда разломить руками подкову, — а закончил работу иссохшим, немощным старцем, у которого отнималась правая рука.

— Как вы, наверное, знаете, в настоящее время эта картина хранится в Лувре. Так вот, служителями музея уже давно было замечено: когда у них на месяц-два прекращается прием посетителей из-за каких-либо ремонтных или реставрационных работ, изображение Джоконды словно стареет. Но как только по коридорам Лувра снова хлынут потоки туристов, она тут же молодеет, становясь той, какую мы привыкли видеть. Искусствоведы столетиями пытаются разгадать тайну ее улыбки. Берусь предположить, что ее улыбка одновременно грусть по поводу того, что на ее глазах чахнет столь видный мужчина, и удовлетворенность обилием поступающей от него жизненной энергии, которая ее подпитывала... — Линкс при этих словах выразительно взглянул на Станислава.

— Ну, все! — решительно взмахнул рукой Крячко. — Сегодня же отдам ее своему соседу по лестничной площадке. Он у меня ее уже раза два выпрашивал. Вот и пусть забирает. Лучше повесить какой-нибудь пейзажик. Уж от этого, думаю, вреда никакого не будет. Как считаете, Вольдемар Анатольевич?

— Ну, если вы обзаведетесь полотном Шишкина, Саврасова, Левитана и других художников классической направленности, то, конечно, обогатитесь благородной, чистой энергией, обильно льющейся с этих картин, — согласно кивнул старик. — Но и пейзажи не все безобидны. Возьмем «Водяные лилии» Клода Моне. Казалось бы, мирный, идиллический сюжет — за-

росший пруд, на его поверхности — лилии, в воде отражаются облака... Но этот пейзаж признан одним из самых пожароопасных. Когда Моне его закончил, непонятно как возникший пожар случился прямо в его мастерской. Потом сгорело купившее это полотно кабаре, через год сгорел дом какого-то мецената, горел Нью-йоркский музей искусств... Так что советую, избегайте импрессионистов.

— Вольдемар Анатольевич, вас послушать, так мир искусств — это сплошная черная магия... — усмехнулся Лев. — Берусь предположить, что и скульптура, и музыка тоже могут нести в себе какой-то опасный негатив?

— Вы абсолютно правы! — Линкс изобразил рукой убеждающий жест. — Всем знакома брюссельская скульптура писающего мальчика. Так вот, говорят, что тот, кто у себя дома поставит его копию, будет страдать энурезом. А Медный всадник? Один житель Питера часто ходил мимо этого памятника и всякий раз задерживался, чтобы полюбоваться им. Ну и? Однажды он стал лунатиком. Да, да, настоящим лунатиком, лунными ночами гуляющим по крышам! А музыка? Вы что-нибудь слышали про песню венгерского музыканта Реже Шереша «Мрачное воскресенье», которую называют гимном самоубийц? Ее он написал в середине тридцатых. После первого же исполнения песни на радио по Будапешту прокатилась целая волна самоубийств. И такое было неоднократно. Поэтому в ряде стран исполнение «Мрачного воскресенья» официально запрещено.

— Ну, твою дивизию! — Стас хлопнул себя руками по бокам. — Все против человека. Все придумывается исключительно для того, чтобы он или сгорел, или повесился... А вот почему не напишут картину, не сочинят музыку, чтобы это, наоборот, приносило пользу, удачу? Например, картиной любовался — избавился от язвы желудка, музыку слушал — сорвал в лотерею джекпот. А? Почему художниками, композиторами если и создается что-то сильнодействующее, то обязательно только действующее со знаком минус?.. — возмущенно резюмировал он.

— Не кипятись! — смеясь, тронул его за плечо Гуров. — Все эти «магические» картины, «магические» статуи и музыка, провоцирующая суицид, — все это, скажу тебе, существенно только для тех, кто во все это верит.

— Вы так думаете? — саркастично усмехнулся «пасечник». — Хорошо! Расскажу вам про некоего самодеятельного художника, который один стоит всех членов Академии художеств...

По его словам, еще лет пять, а то и шесть назад тот появился на Грачихинском бульваре внезапно, словно вынырнув из ниоткуда. Просто появился — и сразу же произвел фурор. Кто он и где живет — сразу узнать не удалось. Лишь потом, без особой охоты, он признался, каковы его имя и фамилия. Как оказалось, звали его Виталием, а вот фамилия была несколько необычной — Лунный. Новичок производил впечатление человека скрытного и малоразговорчивого.

Пристроившись где-то сбоку, Виталий выставил на продажу несколько полотен. Среди них был сельский пейзаж, на заднем плане которого была изображена деревня, раскинувшаяся в долине реки. А вот на переднем — качели, висящие на толстом суку березы, и на них лихо раскачивались смеющиеся парень с девушкой. Все на картине дышало мирной, счастливой жизнью.

— Я только взглянул на его работу, как у меня аж дыхание перехватило. Гляжу на них и вижу, что это мы с моей Наташей. Все сразу так нахлынуло... Даже в глазах защипало! — признался старик.

Еще одно полотно представляло батальную сцену времен незапамятно глубокой древности (как бы не из жизни Атлантиды). Суровые, мощные воины с мечами, в необычных доспехах яростно рубились на фоне стены огромной крепости. Третьей выставленной работой был портрет девочки лет пяти в голубом платье на фоне дивного цветущего луга. Смотреть его работы тут же собрались все здешние живописцы — и ближние, и самые дальние. И случайные пешеходы, и художники, и «как бы художники» — все зачарованно взирали на полотна, излучавшие некий магнетизм.

Затянувшееся общее молчание неожиданно нарушил какой-то крупный тип с замашками бывшего гангстера, но в прикиде успешного банкира. Достав из кармана дорогой лопатник, он ткнул пальцем в пейзаж и коротко спросил:

— Сколько?

— Двадцать штук... — столь же лаконично ответил Лунный.

— В баксах? — уточнил экс-гангстер-банкир.

— В рублях, — обронил художник.

Не торгуясь, покупатель сунул ему четыре пятитысячные купюры и тут же ушел, забрав с собой картину. Не успела художественно-зрительская общественность определиться, не подешевил ли Виталий, отдав свою работу за триста с небольшим баксов, как какой-то иностранец с ходу купил себе батальное полотно за те же двадцать тысяч. Живописцы, можно сказать, ахнули, подивившись столь неожиданной прухе. Нет, в самом деле: иные по неделе стоят, а то и по месяцу, прежде чем дождутся своего покупателя. А тут — раз, и в дамки. Минут десять постоял и сорвал сорок тысяч! И тут же всех заинтересовало: а портрет девочки кто-нибудь купит?

Минут пять, десять ждут — никого. Зрители уже начали было рассасываться, как вдруг проходившая мимо женщина в черной косынке, лишь мельком взглянув на полотно, замерла словно вкопанная, потом бросилась к портрету и, плача, спросила Лунного:

— Где вы ее видели? Это же моя Настенька! Доченька моя любимая! Больше месяца назад она умерла, завтра сорок дней будет... — Она со стоном покачала головой, утирая слезы.

Виталий, пожав плечами, сказал ей, что соболезнует ее горю, а девочку несколько дней назад увидел во сне. Она пришла к нему и попросила написать ее портрет.

— Ну, я сразу же сел за работу, пока память удерживала ее черты, — пояснил он. — Вообще-то сегодня ехать сюда я и не планировал — были другие дела, но... Меня как будто что-то заставило отправиться в дорогу. Наверное, это она так решила...

— Сколько вы хотите за этот портрет? — взяв себя в руки, спросила женщина.

Все, кто стоял рядом, разом замолчали, ожидая ответа живописца, заранее предполагая услышать про все те же двадцать тысяч. Но Виталий, грустно улыбнувшись, махнул рукой и чуть слышно сказал:

— Возьмите так... — И тут же добавил: — С умерших денег не берут.

Женщина, поблагодарив художника, осторожно взяла портрет дочери и, что-то ему шепча, медленно пошла по аллее. Зрители, ошарашенные таким щедрым жестом Лунного, молча глядели ей вслед. Первым опомнился Линкс. Оглянувшись в